

Ден Истен

Ищу союзника,
цли
Последняя воля Золотухина

2026

18+

Ден Истен

**Ищу союзника, или
Последняя воля Золотухина**

«Автор»

2026

Ден Истен

Ищу союзника, или Последняя воля Золотухина / Ден Истен —
«Автор», 2026

Молодая женщина перед побегом из психиатрической больницы становится свидетельницей разговора главврача с детьми богатого издателя: они хотят как можно скорее признать отца недееспособным, чтобы завладеть наследством. Она предупреждает старика об их намерениях и находит в его лице сильного союзника, который помогает ей добиться справедливости. Читателя ждут гротеск, юмор и немного философии. Все персонажи, события и названия вымышлены. Совпадения невозможны.

© Ден Истен, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Обращение к читателям	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	6
Валерия Терехова	6
Родион Михайлович Золотухин	21
Валерия Терехова	25
Родион Михайлович Золотухин	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Ден Истен

Ищу союзника, или Последняя воля Золотухина

Обращение к читателям

В основе романа лежит рассказ «Без оглядки» из сборника «Баба Капа». От первоисточника остались только имя героини и факт ее побега из психбольницы. Во всем остальном это совершенно новая история.

И отдельное предупреждение поклонникам Капитолины Алексеевны Бойцовой (бабы Капы): ее здесь будет мало. Но именно она сыграет ключевую роль – без нее эта история просто не случилась бы. Так что не спешите расстраиваться.

P.S. Дорогие читатели, не обращайте внимания на плашку "Есть упоминание наркотиков"! В тексте нет пропаганды или описания запрещенных веществ, а некий безымянный препарат упоминается исключительно в силу сюжетной необходимости и не имеет реальных прототипов.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Валерия Терехова

Деревянная рама с расшатанными шпингалетами давно требовала ремонта, а одинарное стекло тихонько вибрировало от малейших порывов ветра. Но хлипкость окна компенсировала основательная решетка: из арматурной стали, с ровным слоем черного порошкового напыления на толстых прутьях и мощными анкерами, вбитыми в бетонную стену.

Лера в который раз оглядела большую комнату – место досуга тихих пациентов. Как же это все надоело. Тут и здоровый свихнется, а что говорить о реальных больных? Да как тут вообще можно рассчитывать на выздоровление, когда сама обстановка угнетает? Дело даже не столько в этих моргающих люминесцентных лампах, не в рыжих пятнах протечек на потолке и не в бугристом столетнем линолеуме, а в безнадее, пропитавшей здесь все, от подвала до текущей крыши.

Сюда ее, психически здоровую, запихнул муж. Специально спровоцировал конфликт, выкинул из квартиры и вызвал наряд. Лера сопротивления не оказывала и сразу признала, что пинать дверь и орать на весь подъезд – нехорошо, и больше подобное не повторится. Полиция уже была готова развернуться и уйти, но тут вышел муж и сказал, что подобное поведение жены носит систематический характер, и попросил изолировать ее на ночь, а утром он все решит. Видя нежелание полиции возиться с ней, он отозвал старшего наряда в сторонку и о чем-то с ним пошептался. После этого ее с формулировкой «мелкое хулиганство» отвезли в участок и продержали в обезьяннике с бомжами всю ночь, а утром загрузили в «бобик» и отвезли в психушку. Лера понимала, что без участия мужа тут не обошлось, – иначе как объяснить, что человека можно вот так запросто, без суда и освидетельствования, упечь в психушку?

Встретил ее сам главврач. Был он мягок, обходителен и постоянно прятал глаза – видно, чувствовал вину. На вопрос «на каком основании она здесь, и как долго ее будут тут удерживать?» уклончиво ответил, что «ради ее же блага, и какое-то время», затем распорядился определить Леру в обычную палату, с ослабленным режимом и относительной свободой перемещения по больнице. Но такие привилегии ее не удовлетворили, поэтому она устроила в кабинете самый настоящий погром, громко кричала и требовала сию же минуту выпустить отсюда. Тогда ее сунули в наблюдательную палату (именно такое демократичное название носит палата для буйных), по сравнению с которой полицейский обезьянник с мирными бомжами показался просто санаторием. Через два дня она, чувствуя, как дергается глаз и дрожат руки, попросила главврача перевести в обычную палату, дав обещание, что будет вести себя тихо.

Эту битву она проиграла, но желание вырваться отсюда никуда не исчезло, поэтому Лера избрала другую тактику: ждать. Ждать не милости от мужа, а удобного момента для побега. Вела себя спокойно, указания персонала выполняла беспрекословно и наблюдала. Спустя два месяца она была в курсе, с какими диагнозами находятся тут остальные бедолаги и как их зовут, в какую смену работает тот или иной санитар, сколько дежурит охранников по ночам и везде ли есть решетки на окнах. К слову, решетки были везде, даже в туалете. Но спустя какое-то время выяснилось, что не везде: в столовой, в овощном цехе есть незарешеченное окошко. Выяснила она это благодаря наплевательскому отношению персонала к внутренним инструкциям, строго запрещающим привлекать пациентов к хозяйственным работам. Тихих больных эксплуатировали постоянно: они оттирали кафель в подсобных помещениях, перебирали овощи, мыли санузлы, подметали территорию – другими словами, выполняли то, что не требовало больших умственных затрат и исключало использование острых режущих предметов.

Вот и ей однажды выпало счастье мыть овощной цех, в котором и обнаружился маленький портал на волю. С тех пор все ее мысли были об одном – о побеге.

Вот сейчас, например, она сидела на подоконнике, и со стороны казалось, что она просто любит красота заднего двора, но на самом деле внимательно наблюдала за электриками, копошащимися в электроподстанции. Сами рабочие ее не интересовали, а вот инструменты и инвентарь, которыми они пользовались, – очень даже: особенно большие ножницы для резки проводов и стремянка, высоты которой вполне хватит, чтобы дотянуться до кромки бетонного забора. Ремонт шел уже второй день, и неизвестно, сколько еще продлится – надо не затягивать с побегом, второго шанса может и не быть...

Размышления прервал Наполеон. Треуголка из газеты и такие же бумажные эполеты делали его совершеннейшим идиотом. Наполеон втянул пузырящуюся в уголках рта слюну, снял треуголку и приложил ее к груди.

– Прекрасная мадемуазель скучает? – поинтересовался он с легким поклоном неровно стриженной головы.

– Уи, мон женераль! – отрапортовала Лера и лихо приложила руку к виску, будучи не совсем уверена, что именно так отдавали воинское приветствие во французской армии XIX века.

Наполеон впал в ступор. То ли не понял родного французского, то ли потому, что Лера принизила его Императорское Величество, назвав всего лишь генералом. Однако он быстро совладал с замешательством и снова учтиво кивнул.

– Позвольте, прекрасная мадемуазель, завоевать ради вас Пруссию?

Лера благословила снисходительным кивком, и император, положив руку на эфес игрушечной пластмассовой сабли, решительно отбыл в коридор. Очевидно, где-то там, между душевой и процедурным кабинетом, находилась враждебная Пруссия.

Лера вернулась к созерцанию рабочих, но тут ее требовательно дернули за ногу. Софочка, тщедушная и вечно растрепанная женщина в круглых очках, плаксиво пожаловалась:

– Лера, он убежал!

– Кто?

– Криворот!

Пациентку на самом деле звали Олесей, но она требовала, чтобы ее называли Софочкой. Именно требовала, и если кто-нибудь смел назвать ее по фамилии или настоящим именем, то неминуемо становился жертвой неконтролируемой агрессии. Лера до сих пор с содроганием вспоминала, как месяц назад Софочка напала на здорового санитар-новичка, назвавшего ее по фамилии. Она запрыгнула на него, повалила на пол и принялась бить наотмашь – санитар пытался сопротивляться, но ее слепая ярость оказалась сильнее его мышечной массы. Бедолагу спасли другие санитары – еле оттащили Софочку и сделали ей успокоительный укол. А санитар уволился – слишком впечатлительным оказался для подобной работы.

Лера слезла с подоконника.

– Будем искать твоего Криворота. Ты в туалете и душевой, а я – здесь.

Софочка, радостно шаркая тапочками по линолеуму, выбежала в коридор. Лера подождала, пока стихнут шаги, и подошла к тощему парню лет двадцати, сидевшему перед телевизором. Тот вечно что-то воровал и не раз получал предупреждения: если еще раз что-то украдет, то отправится прямиком в колонию, и родственников, запихнувших его в психбольницу, никто слушать не будет.

– Отдай зайца, – миролюбиво попросила Лера.

Клептоман покосился на нее и буркнул:

– Нет у меня никаких зайцев.

– Не ври, пожалуйста, – терпеливо сказала Лера. – Этот заяц больше никому не нужен.

Воришка заерзал на стуле и закричал:

– Так он и мне не нужен! Зайцы еще какие-то! Что вы все привязались ко мне?!

Никто из присутствующих пациентов не обращал на них никакого внимания – все пребывали в своих мирах, возможно даже, намного более дружелюбных, чем существующая реальность.

Лера склонилась к его уху и угрожающе прошептала:

– Если не отдашь гребаного зайца, я что-нибудь украду у персонала и подкину тебе – вылетишь отсюда пробкой прямо в тюрюгу. Но перед этим получишь от Софочки. Помнишь, что она сделала с тем санитаром?

Уж неизвестно, что напугало kleптомана больше: перспектива реального срока или гнев Софочки, но он показал на батарею. Лера пошарила за чугунными секциями и вытянула маленького пластикового зайца с дыркой в ухе для брелочного кольца. На морде ушастого красовалась кривая и недобрая ухмылка.

– И больше так не делай! – предупредила kleптомана Лера и положила зайца за телевизионную тумбу. В этот момент вбежала Софочка, растерянная и готовая расплакаться.

– Его нигде нет!

– Он за тумбу забежал! Только что!

Софочка одним рывком отодвинула телевизионную тумбу. Лера икнула от изумления: советская тумба из красного дерева была массивной и весила со всеми своими полками, стеклянными дверцами и взгроможденным сверху старым кинескопным «Самсунгом» не меньше шестидесяти килограммов. Да, Софочка в минуты сильного эмоционального возбуждения была способна на подвиги.

– Ой, и правда! – воскликнула она, сжав зайца. – Еще раз от меня сбежишь – уши оторву, Криворот!

И, довольная, вышла из комнаты. Сидевшие перед телевизором пациенты подняли крик:

– Не показывает!

– Почему нет мультиков?!

Назревала истерика, кто-то уже заплакал.

– Сейчас будут мультики! – торопливо успокоила Лера и с трудом сдвинула тумбу на место. Вилки телевизора и DVD-проигрывателя вернулись в расхлябанные гнезда розеток, палец пробежался по кнопкам. На выпуклом экране возник мышонок Джерри, под веселую музыку убегающий от кота Тома.

Плач и возмущения затихли, вернулись хихиканье и смех. Лера снова уселась на подоконник и посмотрела вниз. Рабочие курили и что-то оживленно обсуждали. Один, заметив ее, вдруг присел на четвереньки и запрыгал по двору, кривя губы и загребая руками. Чего он хотел добиться, изображая тупого примата, – неизвестно, но интеллектом сверкнул ярко. Да и остальные, судя по громкому ржанию, находились с ним на одном уровне развития.

Лера постучала по виску, но примат продолжал скакать и кривляться, ухая настолько громко, что было слышно сквозь стекло. Она вздохнула. К сожалению, таких персонажей не лечат – считают нормальными.

В дверях возник санитар.

– Терехова, к главврачу!

– Зачем? – равнодушно спросила Лера.

– Он тебе сам расскажет.

Санитар усмехнулся и скрестил волосатые ручки на груди. Она помотала головой.

– Не хочу!

Санитар быстрым шагом пересек комнату, Лера вцепилась в подоконник.

– Терехова, давай без фокусов?! – пропыхтел санитар, схватив за руки. Лера вывернулась, упала на пол и уцепилась за отопительную трубу. Горячее железо обожгло ладони.

– Как же вы, психи, достали! – взревел взбешенный санитар и надавил на точки в области больших пальцев.

– А-а-а! – заорала она.

Обстановка в комнате из мертвяще-спокойной превратилась в оживленную: кто-то истерично заголосил, кто-то, забившись в угол, заплакал, а кто-то, напротив, громко смеялся и корчил рожи. Впрочем, большинство продолжало смотреть мультфильм, никак не отреагировав на происшествие.

Санитар, продолжая сдавливать руки, наклонился к ее уху. Медицинская маска на его лице сердито зашевелилась:

– Терехова, мне что, заняться больше нечем?! Сказано, привести – я и выполняю! Укол захотела?!

Нет, укола она не хотела (видела в буйной палате, в какой овощ превращается человек под воздействием препаратов), поэтому разжала руки. Санитар рывком поднял ее на ноги и толкнул в сторону выхода.

Преодолев длинный коридор, она свернула направо и остановилась у кабинета с золотистой табличкой. Санитар постучал и приоткрыл дверь.

– Игорь Владимирович, Терехова!

– Что-то долго, – ответили ему. – Пусть зайдет.

Санитар впихнул ее в кабинет и прикрыл дверь. Главврач, толстенький и румяный мужчина лет пятидесяти пяти, сидел за столом в белоснежном халате и маске, спущенной на подбородок. Именно так и носили тогда маски – на подбородке, на шее, на одном ухе, где угодно, лишь бы не на лице. К началу второго года пандемии эти тряпочки всем надоели до зубного скрежета, и каждый ждал, когда же наконец отменят эти утомительные и бесполезные ковидные ограничения.

– Садитесь, Терехова, – сказал главврач.

– Постою! – с вызовом выкрикнула Лера.

– Как знаете.

Он пару раз клацнул по клавишам, снял очки и дружелюбно поинтересовался:

– Как вы себя чувствуете, Валерия Сергеевна?

– Отлично! – процедила она. – Когда я уже отсюда выйду?!

Главврач радостно щелкнул пальцами, словно приготовил для нее хорошую новость, и теперь настал тот самый подходящий момент, чтобы ее сообщить.

– Да хоть сегодня! Ваш муж просил передать, что он решил удвоить сумму. Теперь вы получите полмиллиона евро.

– А взамен?!

– Я не договорил. Он готов купить дом или квартиру в любой стране на ваш выбор. Посоветовал Испанию. Одно ваше слово – и вам сегодня же купят билет, откроют счет в зарубежной банке и переведут деньги.

– Я спрашиваю, что он хочет взамен?! Все то же?! Чтобы я забыла про сына?! Да никогда!

– Тогда вы останетесь здесь, – грустно констатировал он.

Лера сжала кулаки в бессильной злобе даже не столько на этого доктора, сколько на мужа. Это каким же надо быть самоуверенным подонком, чтобы предложить ей отказаться от сына?! И ведь, мразь, действительно рассчитывал, что она согласится. Все-таки деньги портят людей, а большие деньги – напрочь выворачивают сознание.

Не дождавшись ответа, главврач напялил очки и снова уставился в монитор.

– Идите, Терехова. И советую хорошо подумать. Испанские паэлья и вино – однозначно лучше, чем здешние манная каша и компот.

Отец Лоренцо ободряюще приобнял Джульетту и вышел из склепа. Санитар, подпиравший спиной дверной косяк, вытянул навстречу руку.

– Куда собрался? Ты же не доиграл.

– Я в туалет на минутку, – жалобно пролепетал отец Лоренцо.

Санитар посторонился и предупредил:

– Только быстро!

А тем временем на импровизированной сцене творилось трагическое действо: Джульетта провела ладонью по лицу возлюбленного и впилась долгим поцелуем в мертвые губы.

– Ах, яд на твоих губах не действует на меня! – горестно выкрикнула она и воткнула нож из фольги себе в живот. В зрительных рядах кто-то хихикнул, но основная часть хранила напряженное молчание. Но ничего не происходило. Ромео продолжал сопеть под телом Джульетты, а та старательно изображала верную и мертвую возлюбленную. Оба на тинейджеров никак не тянули: Ромео, хоть и был относительно молод, но уже со следами алкогольных пороков на небритом лице, а Джульетте было сильно за пятьдесят. В задрапированном простынями углу томились Капулетти и Монтекки, разодетые в склеенные из газет одежды эпохи Возрождения.

Тишина затянулась. Зрители стали нервно переглядываться. Вскочил худой очкарик, в прошлом – худрук театра драмы, ныне – тихий шизофреник. Идея поставить «Ромео и Джульетту» принадлежала ему. Правда, в сильно усеченной версии из-за обилия сложных диалогов, которые люди с ментальными расстройствами выучить были не в состоянии. Все свелось к нескольким сценам: знакомство Ромео и Джульетты, их встреча на балконе и трагичный финал в склепе. Противостояние между могущественными кланами Вероны и прочие подробности ушли на задний план.

И вот сейчас тихий шизофреник орал с надрывом:

– Где отец Лоренцо?! Сейчас его выход! Тысячу раз репетировали же! Где он?!

Из коридора донесся насмешливый голос уборщицы:

– Вешалку проглотил ваш Лоренцо!

Санитар ругнулся и вышел, а оставшийся без присмотра худрук решил выместить злость на лицедеях.

– Стадо дилетантов с диагнозами! Я здесь все сожгу!

Он бросился к сидевшему в последнем ряду пироманьяку и выдернул из-под него табуретку. Любитель поджигать рухнул, колено худрука уперлось ему в горло.

– Дай зажигалку! Я знаю, она у тебя есть! Я видел! Дай!

Выхватив из разжавшейся руки одноразовую зажигалку, он понесся к импровизированной сцене. Через мгновение бумажное платье Джульетты ярко вспыхнуло. Ромео, почувствовав запах жареного, стряхнул с себя визжащую возлюбленную и приспустил штаны.

– Потерпи, любимая, сейчас все потушу!

Худрук снова чиркнул зажигалкой в намерении поджечь ватман с нарисованными каменными стенами склепа, но упал, сбитый с ног пироманьяком. Драка сопровождалась невообразимым шумом: пациенты хохотали, плакали навзрыд, топали и кричали. Кто-то игриво толкнул Ромео – тот отшатнулся и оросил струей дерущихся худрука и пироманьяка. Джульетта, кривя в плачущей гримасе натертые свеклой щеки, хваталась за дымящееся платье, а Капулетти и Монтекки вжались в угол.

Бардак набирал обороты, грозя перерасти в неконтролируемую вакханалию. Лера соскочила с подоконника и с надрывом продекламировала:

*«Сближенье ваше сумраком объято,
Сквозь толщу туч не кажет солнце глаз!
Пойдем обсудим сообща утраты
И обвиним иль оправдаем вас!»*

*Но не было судьбы грустней на свете,
Чем вытала Ромео и Джульетте!»*

Джульетта вытерла заплаканные глаза, Ромео натянул штаны. Все, кроме худрука с пироманьяком, продолжавшими мутузить друг друга, удивленно уставились на Леру. В дверях появились Лоренцо и санитар. Санитар ринулся разнимать дерущихся, а Лоренцо ковырнул в носу, вытер палец об косяк и молвил торжественно-печально:

– Чума на оба ваших дома!

Вошел главврач в сопровождении уборщицы.

– Что здесь происходит? – поинтересовался он спокойным тоном.

– Психи! – пояснил санитар, отбирая зажигалку у худрука.

Главврач неодобрительно покачал головой.

– Не называйте их так. Имейте сострадание к больным. Все на ужин.

Уборщица ушла за уборочным инвентарем. Пациенты, моментально забыв о трагичной любви веронских подростков, с улюлюканьем и вприпрыжку стали выбегать из комнаты. Пихая друг друга, вышли худрук с пироманьяком. Заплаканная Джульетта и довольный Ромео тоже покинули помещение. Лера уселась на подоконник.

– На ужин, – повторил врач.

Получив в ответ лишь презрительное молчание, он пожал плечами и вышел. Лера посмотрела вниз. Возле приоткрытой двери в подсобку лежала стремянка, призывно поблескивая в лучах заходящего солнца.

Лера снова погрузилась в размышления, прерванные дракой худрука с пироманьяком. Надо проникнуть в кабинет главврача и воспользоваться стационарным телефоном. Тем самым, который стоит на столе за малахитовым органайзером рядом с лотками для бумаг.

Она позвонит сыну и скажет, что сегодня они обязательно увидятся, но для этого он должен сделать следующее: если после девяти вечера отца не будет дома, он включит на подоконнике в своей комнате маленький желтый ночник – Лера поймет, что вход свободен, поднимется в квартиру, возьмет свой паспорт, деньги и вещи и уедет с сыном в Вулканогорск к родителям. Если же отец дома, то сын должен будет включить потолочный свет – тогда Лера будет действовать по обстоятельствам: например, где-нибудь переждет ночь, а утром, когда Павел уедет в офис, придет домой, и дальше по плану: они доберутся до Вулканогорска и там обратятся в полицию. Местным правоохранителям Лера не верила совершенно – здесь у мужа все куплено. Звонить родителям раньше времени тоже не было смысла – только волноваться будут, да и отец сильно болеет. В любом случае ей нужно быть на свободе.

Но для начала надо добраться незамеченной до кабинета главврача. Это несложно – он находится на этом же этаже и, что немаловажно, в противоположной от комнаты санитаров стороне. Нужно просто преодолеть довольно длинный коридор и свернуть направо.

Дверь в кабинет, как и все в этой больнице, доброго слова не стоила – ее, похоже, установили еще при постройке здания, и с тех пор она, разохшаяся и тысячу раз крашенная, сильно просела и скрипела. Лера сегодня прекрасно разглядела хлипкий дверной наличник, выломав который, можно попытаться отогнуть ригель замка. Чем отогнуть? А вот тут спасибо Софочке: когда та отодвинула тяжелую телевизионную тумбу, Лера заметила болтающийся на одном ослабленном саморезе стальной уголок – таким и наличник поддеть, и замок отжать можно. Наверное, он предназначался для усиления жесткости конструкции тумбы.

Лера спрыгнула с подоконника, с трудом отодвинула телевизионную тумбу и выкрутила ногтем саморез. Уголок переключался в карман спортивных штанов, а тумба вернулась на место.

Осталось только дождаться половины восьмого вечера, когда начальство и основной персонал разойдутся по домам, и на втором этаже останутся только дежурный санитар и охранник. Двух охранников и дежурную медсестру на первом этаже можно в расчет не брать – с ними маршрут Леры не пересекался.

Она мысленно выругалась: из-под двери выбивалась полоска света. Главврач не уехал и был в кабинете не один. Мужской голос громко произнес:

– Игорь Владимирович, мы не просим вас подделать документ. Извините за пафос, но слишком многое поставлено на карту, чтобы из-за липовой бумажки у нас были проблемы с законом. Нам нужно, чтобы наш отец реально стал подавать признаки... ну, вы понимаете.

Лера на цыпочках приблизилась к двери и прислонила ухо к потрескавшемуся полотну. Главврач ответил не сразу, видно, раздумывал над ответом. И когда он заговорил, тон его был настороженным.

– Некоторые лекарства в больших дозах дают эффект заторможенности. Человек становится вялым, путает слова, перестает ориентироваться во времени. Но... но это опасно. В его возрасте сердце может не выдержать.

– Как мрачно! А есть что-нибудь попроще, но тоже хорошее?! – спросил женский голос.

– Деликатное, но эффективное, вы хотите сказать? Есть такое. Если давать его регулярно, в умеренной дозе, человек становится сонным, рассеянным, забывчивым. Он не сможет сосредоточиться, путает даты, не помнит, о чем говорил пять минут назад. При этом нет большой нагрузки на сердце. Со стороны – классический старческий маразм.

– Прекрасно! – воскликнула женщина. – Скажите, а за месяц результат будет? У него день рождения через месяц – хочется, чтобы все гости и родные убедились в его недееспособности.

– Если соблюдать регулярность, то результат можно ждать уже через две недели. Чем старше человек, тем быстрее наступают последствия. Главное – системность.

– И где его взять? Вряд ли оно продается в аптеке.

– Могу достать.

– И какие наши дальнейшие действия? – спросил мужчина.

– Подаете заявление в районный суд. Указываете причины: возраст, странное поведение, подозрение на деменцию. Без веских причин судья даже рассматривать не станет. Если суд сочтет доводы убедительными, то назначает судебно-психиатрическую экспертизу.

– Которую проведете вы? – с надеждой спросила женщина.

– Нет, – коротко ответил врач.

– Нет?! А кто?!

– Комиссия. Как правило, из трех-пяти специалистов. И назначает их независимое экспертное учреждение. Обычно это областной центр судебной психиатрии.

Повисло молчание. Лера перестала дышать, боясь пропустить хоть слово.

– Скажите, доктор, а можно сделать так, чтобы вы вошли в эту комиссию? – спросил мужчина.

– Можно, Леонид Родионович, но надо заплатить определенным людям.

– Да это понятно, – со вздохом согласился мужчина. – Допустим, вы вошли в эту комиссию, что дальше?

– Вашего отца кладут в стационар на обследование. На месяц. Не сюда, заметьте, а в специальное экспертное отделение. Там с ним и будем работать. Проведем оценку когнитивных функций: памяти, мышления, ориентировки в пространстве, времени и собственной личности. Отдельно оценим критику – то есть понимает ли пациент свое состояние, признает ли его и способен ли осознавать последствия своих поступков...

– Я понял! – нетерпеливо перебил мужчину. – Не удивлюсь, если окажется, что у него все в норме.

– Ага! – подтвердила женщина. – От папы еще не такой подянки можно ожидать!

– Если все в норме, то комиссия выносит вердикт, что он вменяем, – ответил врач.

– Да елки! А зачем тогда вы?! – в сердцах выкрикнул мужчина.

– А кто в таком случае будет договариваться с членами комиссии? Это еще не все возможные сложности. Насколько понимаю, ваш отец – человек небедный?

– Ну да. Все-таки владелец крупнейшего регионального книжного издательства. А какая разница? Разве процедура психиатрического освидетельствования для богача и бомжа – не одинакова? – недоуменно спросил мужчина.

– Покажите мне бомжа, за спиной которого стоит целая армия высококвалифицированных юристов. Ведь наверняка у вашего отца есть такие юристы? Думаете, они позволят признать его недееспособным? Я, конечно, не юрист, но думаю, что они сделают все, чтобы у суда появились основания усомниться в компетентности комиссии. Они также могут запросить повторную экспертизу в другом учреждении, тогда судья потребует явки вашего отца в суд, где он его допросит, задаст вопросы и, увидев, что перед ним вменяемый человек, откажет в признании недееспособным.

– Да что ж так все сложно-то?! – в отчаянии выкрикнула женщина.

– Теперь вы понимаете, чем я рискую? Поэтому сумма будет вот такой. И только наличными.

В тишине отчетливо раздалось шорканье карандаша по бумаге.

– Ого! – раздался удивленный возглас мужчины. – Ну и аппетиты у вас, Игорь Владимирович! И на что мы можем рассчитывать за эту сумму?!

– Во-первых, вы получите препарат, с которого все начнется. Во-вторых, у вас будет свой человек в комиссии – я. И сразу предупреждаю: возможно, будут другие траты, если у кого-то из членов комиссии возникнут сомнения. Сами понимаете.

– Хорошо, мы посоветуемся и привезем вам деньги, – сказал мужчина.

– Только не сюда и не так поздно. Своей машиной я по некоторым соображениям не обзавелся, а в общественном транспорте сейчас самая давка.

– Так давайте мы вас подвезем?

– Было бы прекрасно!

Лера, прижав тапки к груди и стараясь не стучать босыми пятками по линолеуму, помчалась прочь.

Лера выждала пятнадцать минут и вернулась к кабинету. Он был пуст: ни полоски света из-под двери, ни звуков внутри.

Оторвать наличник тихо оказалось делом невозможным – он скрипел огромными гвоздями в деревянных закладных, осыпался трухлявым мусором из вековой штукатурки и щепок. Очень хотелось просто просунуть под наличник пальцы и рвануть изо всех сил, тем самым сэкономить время и силы, но нельзя – такие резкие движения неизбежно вызвали бы громкий шум. Поэтому Лера, чувствуя, как сатанеет от злости, продолжала потихоньку тянуть деревяшку и морщиться от пыли. Спустя пять минут она наконец осторожно положила оторванный наличник на пол и при скудном свете, проникающем сквозь окно в коридоре, попыталась разглядеть место, куда уходил замочный ригель. К ее досаде, неровный зазор толщиной в несколько миллиметров не позволял не только подцепить ригель, но и даже засунуть туда уголок. Это было фиаско.

Лера готова была расплакаться. Вернуть все как было она уже не сможет, а бросить все как есть – это гарантированно навлечет на себя подозрения. Из всех пациентов больницы она одна была вменяемой, а значит – способна на осознанные действия. Впрочем, нет, не одна – еще тот воришка, прячущийся здесь от тюрьмы, может попасть под подозрение. А что, заскучал без дела и решил грабануть кабинет главврача – разве такого не может быть? Зов природы оказался сильнее. Конечно, начнет отпираться, но кто ж его будет слушать? Отправят в тюрьму, ибо надоел своими выходками клептоманскими.

Лера села на пол и, глядя на решетчатую тень от окна, задумалась. Клептоман был ей глубоко несимпатичен, но даже он не заслуживает такой подставы. Да и не факт, что это вообще сработает. Надо бежать в любом случае.

Лера вернулась в комнату досуга и снова уселась на подоконник, чтобы не пропустить, когда охранник закончит первый обход по территории. Вернувшиеся с ужина пациенты расселись перед телевизором, кто-то уже широко и протяжно зевал. Софочка сидела за столом и играла со своим зайцем, а Наполеон прогуливался из угла в угол, хмуря брови и держа руку на сабле.

Санитар заглянул в комнату, убедился, что все мирно-чинно, и отбыл в комнату для персонала. За стеклом послышался хруст, затем показался возвращающийся с обхода охранник. Он, поигрывая фонарем, не спеша шел в направлении главного входа.

Пора!

Лера выглянула в хорошо освещенный коридор и быстрыми шагами преодолела расстояние до комнаты персонала. В нос ударил табачный дым вперемешку с запахом вяленой рыбы. Лера прислушалась к голосу санитара:

– Ипотека эта – кабала кабальная! Взял на одну квартиру, а отдал банку пять. Да и не с моей санитарской зарплатой в ипотеку влезать. Вот и мыкаемся с женой по углам съемным. Хоть взятки бери!

– А что, предлагают? – поинтересовался собеседник. Охранник.

– Кто мне тут предложит? Это вон главному врачу и его замам, что называется, заносят! А я – кто? Младший персонал. Обслуга! Да и ссыкотно как-то, если честно. Спалиться можно на раз, за это не только с работы попрут, за это и посадить могут. Уж лучше в съемной хате с женой, чем в государственной с зэками.

Охранник шумно прихлебнул из бутылки и сказал горестно:

– У меня такая же херня, только я с родителями живу. Жду, когда любимая бабуля копыта откинёт и мне свою однушку оставит. С семи лет жду. А мне уже тридцать четыре.

– А ты волевой! – восхитился санитар.

– Так бабушка во мне эту волю и воспитывает! Крепкая она у меня, понимаешь. Короче, надо как-то форсировать события.

– Как?

– Да откуда я знаю?! Как-нибудь!

– И не болеет?

– Редко и несерьезно. Позвонила как-то, попросила таблеток купить. Я обрадовался, конечно, а оказалось, что ничего прям такого особенного.

– А таблетки-то купил?

– Ну конечно! Родной же человек!

– Ты хороший внук.

– Спасибо. Стараюсь. Давай за нас – чтобы мы жили долго и счастливо всем назло!

Звон стукнувшихся бутылок, громкие глотательные звуки.

Лера раздумывала, как незаметно преодолеть этот несчастный открытый дверной проем. Заметят обязательно, а ведь еще надо открыть дверь, ведущую на лестницу, а это – дополнительный шум. Воспользоваться лестницей в административном крыле, там, где находились кабинеты главврача и его замов, она не могла: та вела прямо к посту охраны на первом этаже.

– Пойду удава привяжу, – объявил санитар после смачной отрыжки.

– Я тоже. Пивко на клапан давит.

Лера метнулась в палату. За матовым стеклом двери прошли две фигуры. Когда голоса санитара и охранника стихли в районе туалета, она быстро преодолела расстояние от палаты до спасительного выхода на лестницу, сбегала на первый этаж и шмыгнула в закуток между прачечной и столовой. Дождавшись, пока в конце коридора стихнут голоса медсестры и охран-

ников, толкнула двери столовой и пробежала по полутемному залу. Забежав за стойку раздачи, она налетела на поставленные друг на друга пустые мармиты. Грохот поднялся такой, что Лера в испуге распласталась на липких квадратах кафельной плитки.

Минуту она слушала тишину, затем поднялась и забежала в подсобку. Встав на картофелечистку, провернула ручку пластикового окна и распахнула створку. Холодный апрельский ветер моментально вытеснил запах гниющих овощей и забрался под тонкую рубашку. Уцепившись за край рамы и поелозив тапками по стене, подтянулась и перевалилась через раму. Пригнувшись, она помчалась к будке подстанции. Под подошвами хрустел тонкий лед, уже успевший затянуть лужи, изо рта вырывались облачка пара, а сердце стучало в бешеном ритме.

Через пять минут Лера, стоя на последней ступеньке стремянки, отбросила бокорезы, которые нашла в незапертой электриками подсобке, и раздвинула заросли колючей проволоки. Забравшись на стену, она выругалась от боли – острый шип все-таки чиркнул по ноге, оставив кровотокающий порез.

В окне виднелась газетная треуголка Наполеона, который, похоже, наблюдал за ней все это время. Лера спрыгнула с забора и угодила правой ногой в холодную лужу. Проходившая мимо женщина резко остановилась и испуганно закрылась продуктовыми пакетами. Лера приложила палец к губам.

– Тс-с-с!

В этот предупредительный жест и тихое шипение она вложила одновременно и просьбу, и угрозу. Женщина кивнула. Лера выжала мокрую тапочку, напялила ее и побежала по темному переулку. На повороте она остановилась и обернулась – силуэт женщины исчезал в сумерках переулка, размытый, устало покачивающийся большими пакетами. Похоже, ей и дела не было до сбежавшей пациентки психушки – своих забот хватает. Насущных, житейских.

– Не замерзнешь?

Лера вздрогнула. Грязная рука уцепилась за край мусорного бака, раздались крикты – в тусклом свете показался неопрятный человек неопределенного возраста. Одет он был в женскую куртку, возможно, когда-то белую и, наверное, даже модную, но сейчас представляющую собой кусок засаленной и рваной болони.

– Иди ко мне, погреешься, – предложил он и призывно поманил рукой. Из порванной подмышки вывалился кусок синтепона.

Лера помотала головой, хотя холод уже давно залез под тоненькие спортивные штаны и рубашку, а пальцы ног непроизвольно поджимались.

– Не надо, спасибо. Я пойду.

Она вышла из переулка, пересекла жилой двор и оказалась на оживленной улице, где сразу же поймала на себе подозрительные взгляды прохожих. Встав у обочины, она вытянула руку, но, наверное, вид у нее был вызывающе неплатежеспособный – машины проезжали мимо. Через десять минут она, совершенно замерзшая, решила воспользоваться общественным транспортом. О том, как будет уговаривать кондуктора, не думала – как-нибудь уговорит. Трамвайная остановка находилась на другой стороне, поэтому Лера помчалась к подземке. Преодолев сырой и темный переход, она выскочила на холодный воздух, прошла метров десять и встала у остановки. Людей было много, все посматривали на часы и переговаривались. Из их раздраженных реплик стало ясно: трамвая не было уже полчаса.

Рядом светился супермаркет «Зебра». Лера решила пойти туда, чтобы согреться, а заодно – раздобыть обувь: кроссовки, кеды, резиновые сапоги, да хоть валенки с галошами – без разницы. Стыдно и унижительно признавать, но придется украсть.

Пустых мест на парковке почти не было, а автоматические двери на входе не успевали смыкаться – каждую секунду кто-нибудь входил или выходил. Вечерние часы – они самые оживленные. На входе охранник скользнул по ней внимательным взглядом, но ничего не ска-

зал – видно, принял за обычную забулдыгу, проснувшуюся после попойки и выскочившую в магазин за сигаретами и пивом.

Лера лавировала между стеллажами, чувствуя, как по телу разливается тепло. Под потолком и на весь супермаркет раздался бодрый мужской голос:

– Уважаемые посетители, хорошая новость под закат дня! Мы возобновляем акцию от нашего поставщика – завода отопительного оборудования «Чугунная мечта»! Сковороды, сотейники, кастрюли, жаровни, казаны, котелки, утятницы по весьма смешным ценам! Спешите!

Мерно гудящий торговый зал в один миг превратился в разворошенный улей. Лера вжалась в стеллаж – мимо пронесся стихийный отряд охотниц за акционным чугуном. Топот и вопли:

– Где?!

– В посудном нет, я только что оттуда!

– Неужели все разобрали, девочки?!

Отряд исчез за стеллажами. Лера, с облегчением выдохнув, продолжила путь, но чуть было не попала под ноги другого отряда, более многочисленного. Пришлось прижаться к рольставням, закрывающим вход в подсобные помещения.

– Надо на кассе спросить!

– Правильно! А то объявляют, а сами черти что творят!

– Да при чем тут касса?! Администратора надо найти и допросить!

Женщины исчезли в глубине торгового зала. Рольставни за спиной Леры резко поползли вверх, и из темных складских недр показались две тележки, доверху груженные сковородками и кастрюлями. Супермаркет содрогнулся от приближающегося топота.

– Только не это! – прошептала Лера, глядя на несущуюся лавину посетительниц.

Работники в ужасе бросили тележки, отступили в темноту склада и быстро опустили рольставни. Лера наблюдала, как женщины, еще минуту назад солидарные в поисках чугуна, сейчас пихали и ругали друг друга так, будто эти сковородки и кастрюли были из золота.

Зрелище было хоть и бесплатным, но неприятным, поэтому Лера поспешила уйти. Свернув за стеллаж, она нечаянно толкнула пожилую женщину в белом пуховике, что-то разглядывающую на нижней полке. Женщина резко выпрямилась и развернулась. От пронзительного взгляда ее голубых глаз стало не по себе.

– Извините, я не специально.

– Еще б ты сделала это специально. Куда так несешься? За кастрюлей?

– За какой кастрюлей?

– Чугунной. Где-то там бои за них идут, – женщина махнула за стеллажи, откуда доносились звон и ругань.

– За кастрюлей, да, – согласилась Лера. – Пойду, пока не разобрали.

– Иди, – благословила пенсионерка и вернулась к прерванному занятию – изучению коробок с картриджами для воды.

Через минуту Лера уже рассматривала белые кеды. Она выбрала самые дешевые и невзрачные, что, конечно, несколько не оправдывало ее преступных намерений. Мокрые тапки отправились под стеллаж, сорванные бирки – следом.

У выстроенных на входе корзинок ее задержал пожилой охранник. Его напарник, помоложе, с висящей на одном ухе медицинской маской, выглянул из-за стойки поста видеонаблюдения.

– Да, она! Справишься?!

– Об чем речь! – самодовольно ответил магазинный страж и, нахмутив брови, уставился на Леру. – Либо оплачиваем, либо составляем!

– Что оплачиваем?! Что составляем?! – с досадой спросила Лера.

Он многозначительно кивнул на ее новенькие белые кеды.

– Либо обувь оплачиваем, либо акт составляем!

– У меня нет денег.

– Тогда составляем акт и вызываем полицию, – удовлетворенно ответил охранник и потянул ее вглубь магазина. Лера пошла за ним, осознавая, что сопротивление лишь усугубит положение. И тут на их пути возникла преграда в виде маленькой седой женщины – той самой, которую нечаянно толкнула Лера.

– Дайте пройти, гражданочка! – потребовал охранник.

– Так это внучка моя! – воскликнула женщина.

– Внучка? – недоверчиво переспросил он у воровки.

Лера, быстро справившись с удивлением, кивнула. Охранник придирчиво оглядел демисезонные полуботинки пенсионерки – должно быть, хотел убедиться, что воровать обувь у них не семейное.

– Обувь хотела вынести ваша внучка. Вот веду составлять акт.

Пенсионерка с досадой тряхнула корзиной.

– Клептоманка она.

Лера нахмурилась. Этого с чего такие диагнозы? Настоящие kleптоманы воруют все, что не приколочено, видела она таких, а она – только кеды, и те – в силу срочной необходимости.

– Кто?! – переспросил охранник.

– Болезнь такая, когда не могут не украсть. А потом – чувство вины обязательно со всеми последствиями, – невозмутимо пояснила старушка.

– Последствиями?

– Депрессия. Тяжко это все. Нет никакого смысла составлять акт и вызывать полицию – она себя уже наказала. Мы сейчас все оплатим.

Охранник подумал немного и отпустил Леру.

– Бирки со штрихкодом сорваны. На кассе объясните, там по наименованию найдут.

– Спасибо!

При оплате выяснилось, что дешевые с виду кеды стоят аж целых восемьсот рублей, что для любого российского пенсионера является ощутимой суммой. К чести новой знакомой, она отрешившись от родства не стала – хладнокровно оплатила покупку и сильным тычком подтолкнула «внучку» к выходу.

– Я вам все верну! Обязательно! – пообещала Лера.

Старушка усмехнулась.

– Конечно вернешь. Зовут как?

– Валерия. Лера.

– Случилось что, Валерия-Лера? Просто так кеды не воруют.

Лере показалось, что ничего вкуснее этого супа она давно не ела, хотя он не был из каких-то там дорогих ингредиентов (самый обычный суп-лапша). Да и последние два месяца ее кормили не так уж отвратительно, но задача поваров в психбольнице заключалась не в том, чтобы порадовать пациентов вкусно приготовленными блюдами, а впихнуть в них побольше пустых калорий и не дать им протянуть ноги до следующего приема пищи. А этот суп – он словно из ее детства, небогатого, но, в общем-то, счастливого, когда самые обычные макароны с тушенкой, серые котлеты с хлебом и луком или омлет из яичного порошка казались деликатесами. Тогда вкус зависел не от набора продуктов, а от того, кто готовил. А мама Леры даже самые обычные макароны умела приготовить с душой.

Лера активно работала ложкой. Хозяйка, представившаяся Капитолиной Алексеевной, тихо разговаривала с седовласым пожилым мужчиной Егором Александровичем. Беседовали они на отвлеченные темы и на нее не смотрели – наверное, чтобы не смущать, но Лера понимала, что без объяснений они ее не отпустят. К слову, Капитолина Алексеевна еще по дороге

пыталась расспросить ее, но Лера, чувствуя, как отпускает напряжение, разрыдалась от пережитого стресса, а затем стала стучать зубами от холода – в общем, идти пришлось быстро и молча. Егор Александрович встретил в прихожей и был немало удивлен незнакомой гостье и ее внешнему виду, но только спросил, голодная ли она, и, получив утвердительный ответ, пошел на кухню.

Когда суповая тарелка опустела, Капитолина Алексеевна поставила перед ней другую, с гречкой и жареной курицей.

– Спасибо! – поблагодарила Лера, берясь за вилку. – Я готова.

– К чему? – спросил Егор Александрович.

– Вас наверняка интересует, кто я и откуда? Готова отвечать на ваши вопросы.

Мужчина мягко улыбнулся.

– Мы не настаиваем. Дело ваше, Валерия.

Но Капитолина Алексеевна была иного мнения.

– Тебя, Егор, может, и не интересует, а мне вот очень интересно! Рассказывай!

– А с чего начать?

– С начала!

– Я сбежала из Лужинки, – ответила Лера и подцепила вилкой рассыпчатую гречку.

Забавные люди, эти пенсионеры, эти люди старой закалки: ни один мускул не дрогнул на их морщинистых лицах. А вот черная кошка на подоконнике зыркнула настороженно.

– Но я не больная, – продолжила Лера и отправила гречку в рот.

– Тогда что ты там делала? – задала резонный вопрос Капитолина Алексеевна. – Ходила на экскурсию, отстала от группы и не смогла найти выход?

– Меня муж туда отправил, чтобы я с сыном не виделась.

Егор Александрович озадаченно потер переносицу, а хозяйка спросила:

– А что, так можно было?! Человека просто так в психбольницу отправить?!

– При наличии денег – да. Не знаю, сколько он заплатил главному врачу психушки и полицейским, что меня туда увезли, но, подозреваю, не жадничал.

– А муж – кто? – спросил Егор Александрович.

– Сволочь. И глава строительного холдинга. Например, Ледовый дворец и крытый велотрек его компания строила.

– Ты ешь, остынет, – сказала Капитолина Алексеевна.

Лера кивнула и принялась есть. Хозяева вопросами не отвлекали, раздумывая над уже услышанным.

– Чай, кофе? – спросил мужчина, когда она отодвинула пустую тарелку.

Кофе был обычным растворимым, но и он показался особенно вкусным. Прихлебывая горячий напиток, Лера сама начала рассказывать, чувствуя потребность с кем-то поделиться наболевшим, пережитым.

– Я сама из Вулканогорска. Родители мои – самые простые люди: лаборантка на молокозаводе и слесарь в трамвайном депо. Поступила на факультет иностранных языков в филиале одного московского коммерческого вуза, на четвертом курсе меня взяли на стажировку в школу переводчиков здесь, в областном центре. Родители помогали, конечно, но у них зарплаты тоже – сами понимаете. Я комнату снимала, подрабатывала частными переводами, репетиторством. А потом меня как стажера-переводчика привлекли к работе с Торгово-промышленной палатой. В общем-то, обычное дело: они регулярно организуют приемы для иностранных делегаций и инвесторов, и на такие мероприятия им всегда нужны студенты: встречать гостей в аэропорту, регистрировать участников, помогать с навигацией, переводить простые фразы. Вот там я и встретила Павла, он был одним из участников – глава строительного холдинга, работал с иностранными инвесторами. Пригласил на свидание, подарил корзину роз, в ресторан повел, ухаживал красиво.

– И ты поплыла от счастья, – с улыбкой предположила Капитолина Алексеевна.

– Приятно же, – также улыбаясь, ответила Лера. – Павел умеет нравиться, когда захочет. Он и родителям моим понравился. Сам, один, приехал к ним на машине за триста километров. Мне ничего не сказал, даже адреса не спрашивал – через свои связи узнал. Приехал, попросил их родительского благословения, хотя, наверное, это сейчас уже архаизм. Папе подарил часы за полмиллиона рублей. Представляете, у слесаря депо, работяги – швейцарские часы! Маме – соболиный полушубок и серьги с бриллиантами! В общем, очаровал моих предков, на свадьбу пригласил.

– Щедрый, – усмехнулся Егор Александрович.

– Когда ему что-то нужно – очень щедрый. И неважно, хорошее он задумал или плохое. Считает, что купить можно абсолютно все и всех, – грустно ответила Лера. – После свадьбы жили какое-то время хорошо, хотя я себе по-другому семейную жизнь представляла, в каком-то более классическом ее варианте, как у родителей. Я его почти не видела, у него была одна отговорка: бизнес. Переговоры, встречи, поездки, делегации эти. С рождением сына вроде все поменялось в лучшую сторону, но очень скоро я поняла, что сына он любит, а меня – нет. И вряд ли любил когда-то. Потом пошли любовницы, запах духов чужих, помада на воротнике – короче, вся эта киношно-книжная классика стала моей реальностью. И я решила с ним развестись. Сказала, что мне ничего не надо, забираю сына и уезжаю в Вулканогорск, а он мне: вали куда хочешь, а сына оставь. В общем, он меня в психушку отправил. Я там два месяца была, за это время чего мне только не предлагал: и деньги, и дома за рубежом, только бы я уехала из страны и забыла о ребенке. Были и угрозы, куда ж без них.

– Стало быть, не отказываешься, – не то вопросительно, не то утвердительно, но точно одобрительно, сказал Егор Александрович.

Лера помотала головой. Да это ж дикость какая-то – от собственного ребенка отказаться. Но еще чудовищнее то, что муж всерьез на это рассчитывал. Что в голове у такого человека?

– А как ты сбежала? – спросила Капитолина Алексеевна.

Лера рассказала о побеге: о том, как разрабатывала план, о том, как перелезала через забор, все вплоть до того момента, когда забежала в супермаркет. Хозяева посмеивались и одобрительно кивали.

– Какие дальнейшие действия? – спросил Егор Александрович.

– А можно от вас позвонить сыну?

– Секунду.

Егор Александрович вышел из кухни и тут же вернулся со смартфоном. Лера по памяти набрала номер, но телефон сына был отключен. Она от злости стукнула кулаком по столу.

– Отключен!

– Может, ваш муж ему номер сменил? – предположил Егор Александрович.

– Не удивлюсь, если так. А можно в интернет выйти?

– Хотите в соцсетях с ним связаться?

– Нет, он еще слишком маленький для соцсетей – ему всего шесть. Хочу найти владельца одного книжного издательства. Я случайно подслушала разговор главврача с неким Леонидом Родионовичем, который хочет своего богатого папу признать недееспособным, чтобы завладеть его имуществом. В разговоре еще его сестра участвовала.

Капитолина Алексеевна подалась вперед. У нее было такое странное лицо, что Лера замолкла.

– Еще раз, как зовут сына? Леонид? А сестру?

Лера растерялась.

– Сестру – не знаю. А что?

– Говоришь, отец владеет издательством, так? И зовут его Родион Михайлович Золотухин? – продолжала Капитолина Алексеевна.

– А кто это – Родион Михайлович Золотухин? – окончательно растерявшись, спросила Лера.

– Наверное, тот, кого ты ищешь!

– Да я не знаю, кого ищу! – жалобно ответила Лера. – Ну да, наверное, его. Раз этот Родион Михайлович владеет издательством, а не овощной лавкой, то да – значит, точно он. Таких совпадений быть не может. А вы что, его знаете?

– И ты хочешь его предупредить?

– Да. И рассчитываю, что он мне тоже поможет. Мне больше не к кому обратиться.

Родион Михайлович Золотухин

Родион Михайлович Золотухин владел книжным издательством почти тридцать лет. Издательство он не основал, не искал деньги на его раскрутку и не «заносил» взятки коррумпированным чиновникам – нет, ничего такого не было. В те годы, на заре девяностых, гораздо важнее денег и суеты были связи с нужными людьми из криминалитета.

Сын его хороших знакомых, криминальный авторитет, контролирующий половину города, предложил ему возглавить книжное издательство, пребывающее на тот момент в обморочном состоянии. Двухэтажное здание из стекла и бетона находилось в центре города, на пересечении двух проспектов, и могло стать торговым домом или развлекательным центром с большой проходимостью и высокой доходностью, но авторитет, будучи человеком образованным и дальновидным, решил дать издательству вторую жизнь, превратив его в одного из сильнейших игроков на рынке частного книгоиздания.

Золотухин издательство знал прекрасно – запомнилось своим тупым снобизмом и высокомерными отказами печатать его сборники стихов по причине «идеологической несовместимости», но одно дело обивать там пороги, другое – возглавить. Он выразил сомнения относительно своей компетенции, но авторитет посоветовал попробовать и пообещал всестороннюю поддержку. И Золотухин согласился, хотя раньше с криминальным сыном своих знакомых никаких дел не имел и вообще предпочитал не связываться – уж больно сомнительная слава была у того. Основной причиной согласия, конечно же, была тотальная нужда: жалких пенсионных денег катастрофически не хватало ни на что, а детям до него и дела не было. Старший сын Леонид трудился в порту рабочим угольного склада и жил в общежитии для работников порта, а дочь Алла торговала тряпками на вещевом рынке и сожительствовала с хозяином торговой точки, который ее регулярно поколачивал и с такой же регулярностью изменял. Про отца дети не вспоминали и финансово не помогали, поэтому приходилось как-то выкручиваться и экономить.

Среди знакомых авторитета были люди из городской администрации и комитета по управлению имуществом, поэтому вопрос о переходе государственного книжного издательства в частную собственность решился очень быстро. А вот для Родиона Михайловича задача оказалась трудной – отчасти оттого, что в управленческих делах не было никакого опыта, и отчасти оттого, что пришлось строить совсем другую модель книжного бизнеса, не имеющую ничего общего с советским государственным регулированием книжной продукции. К счастью, среди руководства полудохлого издательства нашлись желающие меняться в ногу со временем – советовали, делились опытом и соображениями. На остальные вопросы, не имеющие непосредственного отношения к издательскому делу, отвлекаться не приходилось – их решали братки. Так, в результате прекрасного союза людей с творческими способностями и людей с криминальными наклонностями издательство не просто выжило – оно буквально возродилось из пепла. И название получило подходящее – «Феникс Паблишинг».

К величайшему сожалению Родиона Михайловича, высокое творчество оказалось никому не нужным – ведь наступила другая эпоха, и, следовательно, изменились потребительские вкусы. Поэтому глубокая проза и высокая поэзия печатались очень небольшими партиями – все равно пылились невостребованными на магазинных полках, а вот отечественные детективчики и зарубежные бестселлеры – полновесными тиражами, в красочных обложках и твердых переплетах. У издательства появились свои «локомотивы» – перспективные авторы в востребованных жанрах, своей писаниной вытягивающие издательские планы. Книжный бизнес рос как на дрожжах, все были довольны: читатели – разнообразным чтивом, писатели-конъюнктурщики – вкусными гонорарами, сотрудники издательства – высокими зарплатами, кри-

миналитет – благородным способом легализовать (отмыть) преступные деньги, а сам Родион Михайлович Золотухин – должностью генерального директора и финансовой свободой.

А как обрадовались дети успехам отца! Как же удивился сын Леонид, когда в угольный порт въехал бордовый «Понтиак Бонневиль», а водитель вложил в его чумазую руку ключ и сказал, что это подарок от отца. Как же разволновалась Алла, когда однажды вечером к ней в гости пришли какие-то крепкие сумрачные ребята, сказали, что от отца, стукнули ненавистного сожителя мордой об стол, а затем увезли ее в новую двухкомнатную квартиру с отличным ремонтом и дорогой мебелью. Да, Родион Михайлович про детей не забыл и в первую очередь помог им, продолжая по привычке жить в обветшалой квартире и питаться дешевыми продуктами...

Сейчас Леонид, несмотря на пенсионный возраст, продолжает руководить угольным портом. Разумеется, получил он эту должность не без помощи отца – Золотухин-старший тогда дернул за нужные рычаги, и сына перевели из грязного угольного склада в теплый кабинет заместителем начальника отдела снабжения, а еще через пару лет – на должность начальника отдела. Шли годы, и в конце концов Леонид поднялся на самый верх – возглавил весь порт. Порт был старый, еще советский – никаких тебе автоматических вагоноопрокидывателей и закрытых конвейеров: уголь выгружали грейферами, пыль стояла столбом, учет вели примерно. Бардак, в общем. И это Леониду было только на руку – чем меньше контроля и автоматизации, тем больше возможностей для криминального творчества: например, оформлял дорогой антрацит как дешевый энергетический или смешивал коксующийся уголь с рядовым шламом, а разницу в цене – себе в карман. Бухгалтерия была своя, ручная. Жена, главбух, прикрывала тылы надежно и в махинациях была завязана по самую маковку – без ее подписей ни одна «левая» сделка не проходила. Как говорится: муж и жена – одна сатана. А вот сынок их, Сергей, которому сейчас под сорок, как бестолочью родился – так ею и остался. Пристроили его в отдел снабжения специалистом – бумажки перекладывать с правой стороны стола на левую. Получал за это хорошую зарплату, платил алименты, а остальное спускал в онлайн-казино. Два года назад жена, прихватив маленького сына, ушла к другому мужчине, но с состоятельной семьей бывшего мужа отношения поддерживает – вдруг и ей что-нибудь перепадет, когда Родион Михайлович почит? Что ж, вполне рационально и дальновидно.

Что касается Аллы, то она тоже на заслуженном отдыхе. Живет вместе с дочерью Дарьей и двумя внуками. Места в квартире всем хватает благодаря старшему Золотухину – дал деньги на расширение жилплощади. Когда-то, еще в начале нулевых, он же выделил ей крупную сумму на открытие собственного дела. Алла открыла магазин верхней одежды, раскрутила его, а со временем передала магазин дочери – теперь Дарья им и владеет. На относительно безбедную жизнь хватает всем.

А еще Дарья после развода ударилась в писательство и сочинила роман про неудачные браки, который пыталась продвинуть через издательство деда. Не вышло – редакторы «зарубили» рукопись по причине полной коммерческой бесперспективности и слабой художественной ценности. И теперь для нее все редакторы мира – тупые, ничего не смыслящие в литературе бездари, а дед – просто предатель. В общем, обычная история: богатый человек не спешит потакать прихотям своих потомков, а те, ясное дело, обижаются.

И все же обиженные потомки про его приближающийся день рождения не забыли и обратились в специализированное агентство. Предложенную ивент-менеджером развлекательную программу с фейерверками и аниматорами Родион Михайлович отменил категорически, поэтому решили ограничиться доставкой блюд и напитков из ресторана и выездным банкетным обслуживанием.

Он бы с удовольствием вовсе не отмечал этот день рождения – не видел в этом смысла. Да и вообще уже очень давно ни в чем его не находил. Чем дольше он жил, тем явственнее

понимал: человек либо следует навязанному ему смыслу, либо придумывает свой, но опять же из готовых шаблонов. Жизнь по лекалу – вот человеческий удел. И предел.

И это осознание – не озарение свыше, не следствие усталости или разочарования, а просто итог наблюдений. А наблюдал Родион Михайлович Золотухин долго – через месяц, в мае 2021 года, ему исполнится девяносто три.

Золотухин уселся в кресло и включил телевизор. На экране шли местные экстренные новости: репортер, мужчина в очках, эмоционально вещал в камеру, за его спиной сверкали проблесковыми маяками несколько полицейских машин:

– По некоторым данным, сбежавших было несколько. Они обезвредили дежурный персонал и охрану, отобрали ключи и выбрались через забор. Я попрошу оператора показать нам забор...

Камера наехала на прореху в колючей проволоке на бетонном заборе. В свете ярких фонарей, горящих на территории психбольницы, отчетливо виднелся падающий крупными хлопьями снег.

– Как видно, проволока перекушена, по ту сторону забора лежит лестница-стремянка и инструмент, которым, собственно, и была перекушена колючка. Это свидетельствует о том, что некоторые душевнобольные люди сохраняют способность к рациональным действиям. А теперь давайте поговорим с сотрудниками полиции, приехавшими на вызов.

Репортер развернулся и подошел к тучному полицейскому с раздраженным лицом. Он стоял у машины и нервно затягивался сигаретой. Увидев подошедшего журналиста, он выкинул окурочек и озверело уставился в камеру.

– Скажите, что случилось с персоналом и охраной? Они сильно пострадали? – поинтересовался репортер.

– Да по башке им... по голове им дали и все! Такая толпа навалилась, что они даже мявкнуть... сказать ничего не успели! Связали их и в толчок... в туалет оттащили, там заперли – и деру!

– Вы говорите «такая толпа навалилась» – а точное количество сбежавших и их имена известны?

Полицейский вытер налипший на лицо снег и с завистью посмотрел на напарника. Тот сидел в машине, заполнял какие-то бумаги и отвечать на вопросы назойливого журналиста явно не спешил.

– Это не я говорю, а санитар! Количество уточняется, личности устанавливаются, мотивы выясняются, родственники определяются, вероятные направления побега проверяются, возможные помощники ищутся! Короче – все в работе! Руководство дурки... э-э-э... психбольницы поставлено в известность! Еще вопросы?!

– Скажите, мы можем поговорить с персоналом?

– Нет! В интересах следствия персоналу запрещено общаться с прессой! Вот приедет главный врач – ему и задавайте вопросы!

Золотухин убавил звук и потянулся к вибрирующему телефону. На экране светилось имя: Капа Бойцова.

Он обрадовался. Приятно, когда старая знакомая, пусть и редко, но напоминает о себе.

– Здравствуй, Капа! – бодро поприветствовал он.

– Родя, извини, что так поздно, но у меня срочные новости, – совсем неизвиняющимся тоном заявила Капа. – Передо мной сидит женщина, несколько часов назад она сбежала из психиатрической больницы и...

Золотухин покосился в телевизор.

– Капа! Первое апреля уже прошло! Ты тоже смотришь эти новости?!

– Какие новости?

– Какие-какие, не прикидывайся! Про сбежавших пациентов из психбольницы – вот какие! И одна из них, значит, сейчас перед тобой сидит?! И что говорит, интересно?!

– Тебе точно интересно?

Золотухин окончательно развеселился.

– Ну конечно!

– Твой сын и дочь хотят признать тебя недееспособным, чтобы завладеть твоими заводами, газетами и пароходами.

Широкая улыбка на лице Золотухина медленно исчезла в глубоких морщинах.

– Знаешь, Капа, это слишком даже для тебя, – проворчал он. – Я ведь могу и обидеться.

– А я не шучу, Родя. В общем, тебе сейчас все объяснят.

И хотя женщина, назвавшаяся Валерией, говорила спокойно и убедительно, Золотухин не сразу поверил. Слишком чудовищно это звучало, чтобы быть правдой. И в то же время он прекрасно понимал, что это правда: слишком много совпадений. Видно, велика у его детей обида за то, что он смеет жить больше, чем им хотелось бы, и тем самым мешает распоряжаться состоянием, которое они считают своим по праву.

Он все-таки задал несколько уточняющих вопросов, затем широко распахнул окно и поставил лицо стилому весеннему ветру. В груди заныло.

– С вами все в порядке? – осторожно спросила Валерия.

– Да, – ответил он, потирая левую сторону груди. – Спасибо, Валерия. Сколько вы хотите за информацию?

– Мне нужна ваша помощь.

– Помощь? Какого рода помощь?

Женщина замялась.

– Мне нужна защита и юридическая поддержка. Другими словами: нужен союзник. Я могу попозже позвонить – вам, наверное, надо осмыслить услышанное, прийти в себя? Я все понимаю.

Золотухин поставил телефон на громкую связь и вытряхнул из упаковки таблетку.

– Внимательно слушаю, Валерия.

Валерия Терехова

Лера проснулась рано. Несмотря на то что пришлось ночевать на маленькой неудобной раскладушке, она чувствовала себя по-настоящему отдохнувшей. Стены малогабаритной кухни не давили – наоборот – дарили ощущение защищенности.

Она сложила постельное белье и убрала раскладушку. Банка растворимого кофе и чистая чашка на блюдце, специально оставленные хозяевами на столе, стали поводом для новой волны благодарности. В ожидании, пока вскипит электрический чайник, она включила маленький телевизор, стоящий на холодильнике. На экране появилась студия с голубой подсветкой. Ведущая утреннего новостного блока – женщина с идеальной укладкой – говорила ровным голосом:

– В центре внимания – чрезвычайное происшествие минувшей ночи. Из психиатрической больницы в центре города сбежали пациенты. По предварительным данным, речь идет о группе людей, которые напали на персонал и охрану, после чего покинули территорию через поврежденное ограждение.

На экране сменилась картинка: крупным планом появились перекушенная колючая проволока и брошенная стремянка. Затем показали растерянного полного человека – он стоял у полицейской машины, нервно протирал очки и отвечал на вопросы сотрудника. Голос ведущей за кадром продолжал:

– Главный врач больницы выразил недоумение в связи с тем, каким образом пациентам удалось осуществить задуманное, и заверил, что все виновные в случившемся будут установлены и понесут наказание. Имена сбежавших не разглашаются в интересах следствия. В городе проводятся оперативно-розыскные мероприятия. Правоохранители не исключают, что беглецы могут представлять опасность для окружающих. Граждан просят быть бдительными и сообщать о подозрительных лицах в полицию. А сейчас о погоде...

Минуту Лера сидела в оцепенении, пытаясь осмыслить услышанное и увиденное. О какой «группе людей, напавших на персонал и охрану» идет речь? Неужели она своим побегом подала пример остальным? Кому? Ее, перелезавшую через забор, видел только Наполеон. Он? А кто тогда остальные?

Лера закрыла глаза, и богатое воображение нарисовало полный апокалипсис, вызванный сбежавшими пациентами. На центральных улицах, усеянных мусором и стеклом разбитых витрин, пылали несколько автомобилей, а закопченный пироманьяк с безумным хохотом уже поливал из канистры другие. Со всех сторон слышался вой приближающихся полицейских сирен, а где-то высоко, в пелене удушливого черного дыма, рокотал лопастями вертолет. Воинственный Наполеон взял в осаду здание немецкого посольства – он, положив руку на эфес пластмассовой сабельки, прохаживался вдоль кованого забора и требовал сдаться. Рядом клептоман, разворотив нутро банкомата, торопливо засовывал мелкие купюры за пазуху и был бесконечно жалок на фоне отца Лоренцо, который на противоположной стороне улицы грабил банк. Ценные бумаги из депозитариев, килограммовые золотые слитки из хранилища, клиентские ценности из сейфовых ячеек, доллары, евро и юани – все это грузилось в кузов грузовика. Ромео и Джульетта самозабвенно дрались посреди улицы – очевидно, союз двух горячо любящих сердец разбился о банальную бытовуху. Вокруг них прыгал худрук и орал: «Не верю!»

Бурлящий чайник громко щелкнул кнопкой. Лера вздрогнула и открыла глаза. Ну и бред! Хорошо еще, что до Софочки не дошло – страшно даже представить, какой вклад она могла бы внести в общую вакханалию. Надо не накручивать себя, а просто периодически просматривать новости – возможно, окажется, что все не так плохо.

У нее сейчас есть дела поважнее. В завершение вчерашнего разговора Родион Михайлович сказал, что в восемь утра за ней заедет водитель и отвезет в издательство, где уже будет ждать юрист по уголовным делам – а значит, надо быстро пить кофе и приводить себя в поряд-

док. Лера заварила кофе, с наслаждением сделала первый глоток и выглянула в окно. Ночной снегопад накрыл улицы белым ковром, местами уже изрытый человеческими ногами и автомобильными шинами.

Дверь приоткрылась, в кухню вбежала кошка.

– Хорошие у тебя хозяева. Повезло, – сказала Лера и легонько коснулась влажного носа.

Кошка коротко мяукнула, видно, соглашаясь, и разлеглась на подоконнике. В кухню заглянула Капитолина Алексеевна.

– Проснулась? Давай завтракать.

Завтракали овсянкой с черносливом и изюмом под воспоминания Капитолины Алексеевны.

– В девяностые народ сокращали пачками, и моего мужа тоже сия чаша не миновала. Искал-искал работу по своей инженерной специальности, но ничего путного не нашел.

Лера вопросительно посмотрела на Егора Александровича, но тот с улыбкой помотал головой: не обо мне речь.

– Пошел в таксисты, а там своя мафия, – продолжала Капитолина Алексеевна. – Все злые места: вокзалы, аэропорты, рестораны, ночные клубы, казино – все поделено между своими, и случайным «бомбилам» там не рады. Стал Саша кататься по городу, клиентов высматривать, но там больше бензина сожжешь, чем заработаешь. Мне на моем станкостроительном тоже зарплату полгода не платили – ситуация аховая. Звоню Роде Золотухину, он тогда уже года три как издательство возглавлял, спрашиваю, есть работа для мужа моего? Родя, не долго думая, сразу предложил Саше должность начальника отдела материально-технического обеспечения – во как! Не какую-то там должность старшего помощника младшего конюха, а сразу – в начальники!

Капитолина Алексеевна не спеша отпила чай из чашки и продолжила:

– Но есть, говорит, есть одно требование – компьютер надо персональный знать, программы всякие полезные. А Саша кроме ЭВМ, размером с комнату, ничего не видел никогда. Тогда персональные компьютеры только-только в нашей жизни появляться стали. Экзотика. Золотухин успокаивает, говорит, что научится, мол, девочки ему все покажут, но тут я уже взбрыкнула.

– Из-за девочек? – догадалась Лера и засмеялась. Капитолина Алексеевна смех поддержала.

– Ну, он у меня мужик красивый был! Нет, мужу я верила, дело в другом. Спрашиваю у Роди, а попроще есть что-нибудь? Ну, отвечает, курьером можно – книги по точкам развозить. Да только, говорит, у меня язык не поворачивается вам такую должность предложить, может, все-таки в начальники? Но Саша сам согласился на должность курьера, ему так проще было. Но платил ему Золотухин очень даже некурьерскую зарплату.

Лера даже представить не могла, каково это – дружить столько лет! И еще она думала, что Золотухин значительно моложе. Впрочем, главное, что он сохранил ясную голову и здравый рассудок. А здравомыслящих в последнее время она встречала нечасто.

– Повезло мне с вами, – искренне сказала Лера, до сих пор не веря в такое счастливое и в то же время невероятное стечение обстоятельств.

После завтрака Капитолина Алексеевна вручила ей утепленный спортивный костюм. Совершенно новый, с бирками, в полиэтиленовой упаковке.

– Собиралась заняться спортом, да только что-то все никак не соберусь.

Лера смутилась, почувствовав себя неудобно. Она этой пенсионерке и так обязана по гроб жизни, а тут еще и костюм.

Егор Александрович, видя ее смущение, приободрил:

– Берите, Валерия. Вам он сейчас точно нужнее.

Через пятнадцать минут Лера сидела в комфортном салоне машины, слушала тихую инструментальную музыку и созерцала заоконный пейзаж, слякотный и унылый. Еще через двадцать минут она зашла в просторный холл книжного издательства и в сопровождении охранника поднялась по мраморной лестнице на второй этаж. Постучав в массивную дверь, охранник удалился, а Лера зашла в кабинет.

Она сразу поняла, что мужчина в сером костюме, сидевший за дубовым столом, – не Золотухин. И даже не потому, что для знакомого Капитолины Алексеевны он выглядел слишком молодо – примерно чуть за шестьдесят. Просто рядом, на низеньком диванчике, сидел другой человек – старик с изрезанным глубокими морщинами лицом и белыми волосами. Он был именно таким, каким она его себе представляла – старым, усталым, но с цепким живым взглядом.

Родион Михайлович Золотухин

«Мерседес» выехал за ворота, а Родион Михайлович поднялся по ступеням издательства. Охранник долго вглядывался в лицо визитера и, наконец, узнав в нем главу издательства, торопливо распахнул стеклянные двери.

– Родион Михайлович, это самое... доброе утро!

Золотухин зашел в просторный холл и с дружелюбной улыбкой протянул руку.

– Почему так долго не открывал? Так постарел, что не признал?

– Да нет, просто... Ну, это самое... вы в последнее время редко появляетесь. Ну, в общем, как-то так...

Золотухин и правда в последние годы редко появлялся в издательстве. Подчиненные в лице заместителя генерального директора, главреда и управделами сами успешно контролировали слаженную работу книгоиздательского процесса и были уполномочены подписывать почти любые документы. А особо сложные вопросы, требующие внимания высшего руководства, всегда можно было обсудить и по видеосвязи.

– Ну, как вы тут без меня?

– Так это... Да нормально. Что-то вы раненько.

– Дела неотложные. Тут ко мне минут через десять должен юрист подъехать. Пропусти его. И через полчаса водитель привезет женщину – ты ее до моего кабинета проводи, пожалуйста.

– Понял.

У мраморной лестницы висело огромное зеркало. Золотухин покосился на свое отражение: какой же он сейчас жалкий и слабый! С редкими, совершенно белыми волосами и морщинистыми впалыми щеками, провисшими мочками ушей и острым кадыком на дряблой шее. Глубокий старик в дорогом пальто, каким-то чудом умудрившийся прожить столько лет и не растерять разум.

Чувствуя взгляд охранника, он постарался как можно бодрее подняться по ступеням, затем прошел по полутемному коридору и остановился у двери из дубового массива. По коридору, вспыхивая один за другим, зажглись потолочные светильники, очевидно, включенные заботливой рукой охранника.

Кабинет встретил чистотой и голубой подсветкой огромного, на всю стену, аквариума. Несмотря на редкие визиты хозяина, влажная уборка проводилась неукоснительно, а аквариумные обитатели получали свой ежедневный корм. Родион Михайлович подошел к аквариуму и легонько постучал по стеклу – стайка встревоженных экзотических рыбок юркнула за колыхающиеся водоросли, а из-за кораллового рифа высунулась крабовая клешня и погрозила нарушителю океанского безмолвия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.